

PSYCOANALYSE
 PSYCHANALYSE
 PSICANALISI
 PSICOANALISIS
 PSICANALISE
 PSYKOANALYSE
 PSYKOANALYYSI
 PSZICHOANALIZIS
 P S I K A N A L I Z
 PSI KOANALIZE
 ПУХАНАЛУШ
 ПСИХОАНАЛИЗ
 PSYCHOANALYSIS
 PSYCOANALYSE
 PSYCHANALYSE
 PSICANALISI
 PSICOANALISIS
 PSICANALISE
 PSYKOANALYSE
 PSYKOANALYYSI
 PSZICHOANALIZIS
 P S I K A N A L I Z
 PSI KOANALIZE
 ПУХАНАЛУШ
 ПСИХОАНАЛИЗ
 PSYCHOANALYSIS
 PSYCOANALYSE
 PSYCHANALYSE
 PSICANALISI
 PSICOANALISIS
 PSICANALISE
 PSYKOANALYSE
 PSYKOANALYYSI
 PSZICHOANALIZIS
 P S I K A N A L I Z
 PSI KOANALIZE
 YUCANALUSH
 ПСИХОАНАЛИЗ
 PSYCHOANALYSIS
 PSYCOANALYSE

ПСИХОАНАЛІЗ

СПЕЦВЫПУСК

РОДИНА. ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ ДЛЯ НАС СЕГОДНЯ?

2(20) 2016

Ukrainian Association of Psychoanalysis

PSYCHOANALYSIS

chronicle

№ 1 [20]

Kiev - 2017

CONTENTS

<i>Svetlana Uvarova</i>	
Openings remarks	8

CLASSICS OF PSYCHOANALYSIS

<i>Sigmund Freud</i>	
Negation	
(translated from German by E. Yevlanova)	12
Fragments of Freud's and Einstein's correspondence	
(Comments and translation from German by E. Yevlanova)	17

PAPERS OF INTERNATIONAL PSYCHOANALYTIC CONGRESS «HOMELAND. WHAT DOES IT MEAN TODAY FOR US?»

<i>Svetlana Uvarova</i>	
The map of homeland	22
<i>Barbara Fitzgerald</i>	
«Homeland» as a discussion topic	
(translated from English by N. Supolkina)	34
<i>Carlos Rozensztroch</i>	
Universal Homeland	
(translated from English by N. Supolkina)	37
<i>Sergio Benvenuto</i>	
An offspring of the signifier: Homeland	
(translated from English by N. Supolkina)	41
<i>Serge Lesourd</i>	
The only Homeland is the exile in the language	
(translated from English by O. Klimchik)	49
<i>Victor Mazin</i>	
In search of the impossible Homeland	58
<i>Ayten Yuran</i>	
The subject's extimacy	74
<i>Claude Schauder</i>	
Homeland. What does that mean today?	
(translated from French by O. Kolchanova)	83

Jean-Marc Chauvin

Psychoanalytic reflections on the concept

«Homeland» through the example of Switzerland

(translated from French by I. Karavanova) 93

Horst Kaechele

Mothertongue and fatherland. Narration and observation in

psychoanalysis: do we live in two epistemic cultures?

(translated from English by E. Yevlanova) 105

Otto Kernberg

The psychodynamics of messianic longings and their relevance for
ideological systems

(translated from English by N. Supolkina) 116

Natalia Nalyvaiko

Mother, captive or mistress 127

Irina Valyavko

Homeland and the origins of Ukrainian psychoanalysis 139

Vitaliy Eliseev

Homeland without clothes 160

AUTHORS AND TRANSLATORS 170

INTERNATIONAL INSTITUTE OF DEPTH

PSYCHOLOGY (KIEV) 174

BOOKS PUBLISHED BY PHEE “IIDP” 179

**MOTHERTONGUE AND FATHERLAND.
NARRATION AND OBSERVATION IN PSYCHOANALYSIS:
DO WE LIVE IN TWO EPISTEMIC CULTURES?**

The field of psychoanalysis has been shaped by the method of clinical discovery which in the hands of gifted clinicians has generated a wealth of clinical insights based on reports from the office. The paper argues that these data have to be checked by systematic observation in order to validate the robustness of this body of knowledge.

Keywords: Clinical report – Systematic observation – Validation.

Хорст Кехеле

**РОДНОЙ ЯЗЫК И ОТЕЧЕСТВО.
ОПИСАНИЕ И НАБЛЮДЕНИЕ В ПСИХОАНАЛИЗЕ:
ЖИВЕМ ЛИ МЫ В ДВУХ ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ КУЛЬТУРАХ?**

Область психоанализа была сформирована с помощью метода клинического открытия, который в руках талантливых клиницистов породил множество клинических идей, основанных на отчётах из офиса. В данной статье утверждается, что эти данные должны быть проверены путём систематического наблюдения с целью подтверждения надёжности этой совокупности знаний.

Ключевые слова: Клинический доклад – Систематическое наблюдение – Валидизация.

В этой лекции я буду утверждать, в хорошей компании лучших психоаналитических умов – профессионалов со всего мира, что общение и обмен клиническими впечатлениями с помощью психоаналитического описания случаев должны рассматриваться как мать клинического открытия. В противоположность этой эпистемической позиции я буду называть систематическое наблюдение и его записывание при помощи научной методологии отцом проверки. Необходимы обоюдные специфические качества как матери, так и отца для того, чтобы, счастливо работая, они могли произвести много детей.

Исторически многими биографическими данными Фрейда хорошо подтверждается то, что дружеское отношение и доброкачественное наставничество развило общение между старшим Брейером и более молодым Фрейдом. Отчеты Брейера (1893–1895) Фрейду о сумеречных разговорах молодой леди (Анна О.) зародили в обоих идею, что только пересказывая эти клинические наблюдения как истории, можно судить о том, что произошло.

Сам Фрейд понимал несовершенство изложений случая. В «Исследованиях истерии», которые были написаны в соавторстве с Йозефом Брейером, в его примечаниях к случаю, мы обнаруживаем указание на обоюдное изумление и оправдание: «читается как короткие рассказы» и «недостаточное серьезный вид науки» [14:160]. Кроме того, в каждом втором предложении он также отказывается от любых художественных амбиций: «Я вынужден утешать себя размышлениями, что природа самого предмета, по-видимому, в ответе за это в большей степени, чем мои собственные предпочтения» [14:160].

С того времени из виньетки случаев, задокументированных в письменных отчётах терапевтов, сформировался принципиальный способ, как составлять отчёт о понимании, возникающем в терапевтической ситуации.

Недавно академик, квалифицированный психоаналитик из Калифорнии, профессор Льюис Брегер опубликовал маленький биографический обзор своего плодотворного наставничества [2]. В нём он уточняет, как часто возникает неправильное понимание Фрейдовского описания случая, которое относится в большинстве своём к предубеждениям, что Фрейд во всём находит сексуальную мотивацию.

Модель, изложенная Фрейдом, была творчески развита в возросшем количестве психоаналитических отчетов об открытиях из консультационных комнат, выполненных в большинстве своем в форме виньетки случая (например [12]). И до сегодняшнего дня в психоаналитической литературе «виньетка» является основной формой презентации. Виньетка характеризуется связностью, тонкостью и изысканностью и служит иллюстрации типичных психодинамических связей. В ней подтекст аналитической терапевтической работы является вторичным, в сравнении с фокусом интереса. Таким образом, они едва ли описывают то, как аналитик работает в действительности, и что он чувствует, думает и делает. Поэтому, видится полезным хотя бы внести разграничение между историями случаев, сфокусированных на психодинамике расстройства и отчетами о лечении, сфокусированными на технике, выполнения терапевтической работы [21].

Фрейдовское описание случая как методологическая парадигма

Дискуссия о психоанализе как дисциплине породила множество спорных философских дебатов. Чем ближе она подходит к общему осознанию того, что психоанализ распространился и продолжает

оказывать огромное влияние на психосоциальную профессию, и в целом на современную культуру, тем более примечательным кажется то, что спустя десятилетия после его появления, некоторые наиболее базовые концепты его теоретической и практической системы остаются спорными [28:104].

Более того, не было бы преувеличением говорить о первой попытке Фрейда объяснить невротические симптомы фундаментально новым, отличным от его современников способом, как о научной революции. До фрейдовских попыток психиатрия рассматривала истерические симптомы как результат «дегенеративной конституции», следствие соматической предрасположенности. Основной вклад Фрейда в развитие психологических исследований состоял в формулировании двух предположений: что истерические симптомы в первую очередь должны рассматриваться как психические феномены – хотя и не обязательно сознательные, – и таким образом, их следует рассматривать как психические структуры, которые можно постичь. Как подчёркивает [27], эти постулаты психологизма и детерминизма остаются двумя основными постулатами, на которых сегодня базируется психоанализ.

Внесение этих двух предположений, которые шли рука об руку с развитием соответствующего метода наблюдений, представляло собой решающий момент, новую методологическую парадигму. Одним из центральных парадоксов в развитии психоаналитической теории и практики является то, что хоть Фрейд вошёл в историю научной теории как выдающийся и острый методолог, поле эмпирических психоаналитических исследований стало приносить плоды лишь недавно.

Тот факт, что понимание психоанализа подвергалось перекрестному огню критических нападок со стороны философии науки, несомненно имеет отношение к природе фрейдовского подхода: поиск новых гипотез для него был гораздо более важен, чем тщательная проверка клинически подтвержденной информации с использованием эмпирических методов.

Продолжение развития теории психоанализа, начатого Фрейдом, на протяжении более пятидесяти лет психоаналитических исследований, может быть более чётко отслежено в последующей истории центральных клинических концептов, таких, как концепт тревоги [7;8]. Конечно, не все концепты непрерывно развивались, достигая современного уровня: некоторые, как теория сновидений, оставались почти без изменений на протяжении длительных

промежутков времени [11], и только в течение двух последних десятилетий мы впервые столкнулись с её основательным пересмотром [34;35]. Такое отсутствие последовательности впервые стало очевидным во время первых попыток систематизации [33], и остаётся особенностью теоретизации психоанализа. То, что широко известно как «психоаналитическая теория», представляет собой креатурные идеи для исследовательских программ, включающие в себя много неопределенно связанных между собой теоретических набросков описательного характера, статус которых может оцениваться очень по-разному в терминах философии науки. Это, например, теории памяти, восприятия, внимания, сознания, действия, чувства, концепт характера и биографического развития, если называть лишь несколько основных. Они формируют основу клинических теорий, которые понимаются очень свободным образом (сравните, например, теорию тревоги с теорией нарциссизма или теорией лечения, которая должна отделять теорию хода от теории результатов лечения). Более того, тестирование каждого отдельно взятого компонента – различных суб-теорий – отдельная задача, к которой следует подходить совершенно по-разному. Что касается теории психоанализа – а здесь мы рассматриваем актуальные вопросы только в этом отношении – в методологии проверки гипотез исследований всё ещё существуют довольно различные точки зрения.

Яблоком раздора между психоаналитиками и академическими психологами здесь является вопрос, как психоаналитический метод, представляющий собой повествование, может быть использован как инструмент исследований. Его клиническое значение не является предметом обсуждения, но оно является достаточно спорным в теоретической дискуссии. В терминах научной логики, однако, очевидно, что место встречи исследования и терапии [16] все еще является предметом спора, в той же мере, в какой проверка гипотез все ещё является преследуемой целью.

Согласно Рапапорту [33], основа положительных доказательств в пользу психоаналитической теории лежит в области собранных клинических исследований, распространяемых при помощи профессиональных повествований:

Первое достижение системы было феноменологическим: она привлекла внимание к огромному множеству феноменов и к связям между ними, и впервые сделала их значимыми и поддающимися рациональному рассмотрению [33:111].

В феноменологической плоскости образования и установления

взаимоотношений, Рапапорт видит накопление клинических доказательств, как таковых, что имеют позитивные свидетельства для психоаналитической системы. Что касается теоретических утверждений системы, однако, – например, особой теории неврозов, – здесь таких гарантий нет.

Поскольку отсутствует канон клинического исследования, большинство доказательств теории остается феноменологическими и анекдотичными, даже если их очевидность и объем в достаточной мере производят впечатление объективной действительности [33:111].

Таким образом, отсутствие экспериментального канона клинического исследования, – не путать с клинической техникой интерпретаций – похоже, остается самым слабым местом в тестировании клинических исследований в психоанализе.

Построение научной области при помощи описательных отчетов не является чем-то необычным; исследователи многих темных континентов на протяжении веков по возвращении в родные страны пересказывали собственный опыт своим согражданам.

Психоаналитический опыт иногда сравнивают с экспедицией в бессознательное [29]; так на протяжении большого промежутка времени общественность принимала ошеломляющие отчеты путешественников об их приключениях во время странствий.

Оглянувшись на много десятилетий назад, однажды я выявил рост в жанре лечебных отчетов [18; 19]. Значительное количество престижных аналитиков сделали свои работы доступными для читателей, подав их в более обстоятельной форме, чем виньетка; они составляли понятные новеллы, наполненные деталями. [22; 41; 10; 39].

Таким образом, можно сказать, что психоанализ стал повествовательной наукой, которая использует пересказ и стремится к описательной правде [13; 36]. Чтобы подчеркнуть важность этого методологического определения, нужно представить развитие науки музыкологии вместе с музыкантами, которые делятся своим наиболее личным опытом, описывая случаи собственной истории, или позволяя слушателям говорить о своей эмоциональной вовлеченности по окончании фортепьянного концерта. Что плохого в таком подходе? Было бы хорошо, чтобы кто-то мог построить науку музыкального опыта, собрав большую выборку таких отчетов с субъективными свидетельствами. Чтобы покончить с этими довольно фантастическими примерами, к месту будет вспомнить работу братьев Гримм, двух профессоров

из Гёттингена в Германии, которые начали систематически собирать устно передававшиеся сказки. Спустя много десятилетий существует хорошо развитая область исследований сказок с очень сложными методами анализа больших коллекций по всему миру.

По сегодняшний день мы встречаем выдающихся авторов, подчеркивающих, что клинический опыт наилучшим образом изложен с помощью описательной модели [31]. Конечно, есть причины поддерживать традицию клинического отчёта, передающего субъективные свидетельства того, кто его составляет, будь то терапевт или, гораздо реже, пациент. Таким образом, описание возникновения и изменения функции изучения случаев, стало темой качественного расположения исследователей, которые изучают место новелл как научной формы репрезентации и коммуникации [17].

Проблема, с которой мы сталкиваемся в психоанализе, состоит в том, что каждая из разнообразных психоаналитических культур, слишком часто остается в собственных границах, игнорируя изучение случаев другими отраслями дисциплины [26]. Поэтому все больше и больше исследований психоаналитически ориентированных специалистов уточняют:

«Сегодня исторически плодотворная описательная процедура Фрейда более не в состоянии нести ответственность за существование психоанализа, даже если она по-прежнему является основным инструментом для дидактического формирования и формирования идентичности членов аналитического сообщества, поскольку изложение случая может быть богатым материалом, способом коммуникации» [37:63].

С тех пор, как мы столкнулись с первым вымышленным психоаналитическим отчетом Хайнца Кохута, настоящего лидера инноваций, представившим нам два психоанализа мистера Z [23]. От его биографа мы узнали, что второй анализ мистера Z был чистой выдумкой, придуманной для того, чтобы продемонстрировать, как лечили его, Хайнца Кохута. Итак, мы столкнулись с результатом фикции как инструмента исследования [23].

От субъективного изложения к объективному наблюдению

Уже в 1971 Воллерштайни Сэмпсон сделали вывод о необходимости проведения формализованного и систематизированного изучения терапевтического процесса в психоанализе: «Наше главное убеждение состоит в том, что неформальное изучение слу-

чая, несмотря на мощную силу убеждения, имеет определенные реальные и очевидные научные ограничения» [38:47]. В то же время Люборский и Спенс [25] попросили психоаналитическое сообщество предоставить «образцы историй»:

«В идеале должны быть соблюдены два условия: история должна четко идентифицироваться как аналитическая <...> и данные должны быть записаны, расшифрованы и индексированы, с тем, чтобы быть максимально доступными и наглядными» [25:426].

Несколькими годами позже, Хартвиг Дал ввел термин «образцовый час» [9] с тем, чтобы обеспечить интерес публики к расшифровке пяти полных плёнок с записью лечения мистера С., подразумевая тем самым, что в психоанализе бывают не только «образцовые сны», как узаконил Фрейд [15], но и образцовые случаи, каждый из которых должен изучаться на усмотрение каждого. С нашей точки зрения, решающим критерием для использования обозначения «образцовый» должна быть доступность, которая подразумевает возможность критичного, беспристрастного обсуждения. Развитие банков текстов стало неотъемлемой частью этого требования [30].

Внедрения записи на пленку в ситуацию психоаналитического лечения, которое долго горячо обсуждалось и для большинства аналитиков все ещё является спорным, открыло новое окно в процесс. Аудио запись психоаналитических диалогов действительно сформулировала множество обоснованных клинических и этических проблем, хотя с научной точки зрения обеспечила реальный прогресс [21]. Она сделала возможной перспективу независимого, третьего взгляда на аналитическое интерперсональное взаимодействие; с точки зрения интернальных моделей взаимодействия аналитика и пациента она молчалива и идеально дополняет свидетельства участника. Запись таких случаев открыла доступ ко многим теоретическим и техническим результатам.

Встреча родного языка и Отечества

Использование образцов психоаналитической работы позволяет встретиться обоим аспектам. Аналитик может представить свой личный, субъективный опыт работы с пациентом. Было бы желательно также включить голос пациента, но наша профессия пока не достигла такого уровня совершенства. Добавляя перспективу ТРЕТЬЕГО, используя современные микроаналитические методы,

такие как дискурс или разговорный анализ, мы имеем возможность проследить то, что явно лежит на поверхности, а иногда спрятано в глубоких структурах языка в интерактивном сценарии [4].

Группа Ульма по изучению психоаналитического процесса детально проанализировала психоаналитическое лечение, записанное на плёнку, случай Амалии Х [20]. Сам лечащий аналитик посчитал сессию 152 образцовым примером современной психоаналитической техники, когда он представлял эту технику участникам Международного психоаналитического конгресса в 2004. Эта сессия обсуждалась большим числом опытных психоаналитиков. Среди прочих, особенно сильной была клиническая оценка Ахтара [1], указавшего на ключевые особенности аналитической техники в этой сессии: «Техника Доктора Томэ демонстрирует гибкость, связность и широту кругозора. Она центрирована вокруг помощи пациенту достичь свободы эго посредством интерпретации и разрешения переноса. Однако, она соединяет множество отношений к услышанному и широкий ряд интервенций, которые могут рассматриваться как подготовительные, вместо собственно интерпретационных» [1:691]. С целью проверить эту оценку Леви проанализировал [24] эту же сессию при помощи набора инструментов психоаналитического процесса Q-set:

«Конкретно в этой сессии <...> А. хорошо использует специфический набор взаимодействий, который служит процессу, оставляя П. место для сопротивления, минимальной конфронтации в эти моменты, перед возобновлением продуктивного запроса и исследования.» [24:524].

Таким образом, попытка тщательного исследования конкретно этой сессии еще раз даже под более микроскопическим взглядом с использованием разговорного анализа, оказалась плодотворной [4].

Наши открытия показывают: а) как аналитик и пациент совместно создают общий объект разговора, который называется психоанализ; б) как много применяется до сих пор не описанных аналитических инструментов, которые можно описать как «умения»; в) как «танец инсайта» исполняется обоими участниками во взаимном создании паттернов взаимодействия, видимых с «обеих сторон»; г) как участники создают метафоры как разговорные и когнитивные инструменты, чтобы уменьшить невероятную сложность аналитического взаимодействия, и для других целей; д) что просодическая ритмичность и другие просодические

черты интегрируются наилучшим образом в троекратной модели аналитической беседы, состоящей из «взаимодействующего средства», «разговора с» и «разговора о» пациенте [5].

Для того, чтобы обеспечить будущее психоанализа, нам нужно, чтобы клинические открытия и систематический глубинный анализ работали рука об руку.

Перевод с английского Элины Евлановой

Библиография:

1. Akhtar S (2007) Diversity without fanfare: Some reflections on contemporary psychoanalytic technique. *Psychoanalytic Inquiry*, 27, 690-704.
2. Breger L (2009) *A Dream of Undying Fame. How Freud Betrayed his Mentor and Invented Psychoanalysis*. New York: Basic Books.
3. Breuer J (1893-1895) Case I. Fräulein Anna O. In: Breuer J, Freud S. *Studies on hysteria*. Standard Edition 2, pp. 21-47.
4. Buchholz M & Kächele H (2013). Conversation analysis – A powerful tool for psychoanalytic practice and research. *Language and Psychoanalysis*, 22, 228-243.
5. Buchholz MB, Spiekermann J & Kächele H (2015) Rhythm and Blues. Amalia's 152th session. *International Journal of Psychoanalysis* 96: 877-910.
6. Buchholz, M., & Reiter, L. (1996). Auf dem Weg zu einem empirischen Vergleich epistemischer Kulturen in der Psychotherapie. In G. Bruns (Ed.), *Psychoanalyse im Kontext*. Opladen: Westdeutscher Verlag, pp. 75-100.
7. Compton A (1972a). The study of the psychoanalytic theory of anxiety. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 20, 3-44.
8. Compton A (1972b) The study of the psychoanalytic theory of anxiety. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 20, 341-394.
9. Dahl H (1988) Frames of mind. In: Dahl H, Kächele H, Thomä H (Eds) *Psychoanalytic process research strategies*. Springer, Berlin, Heidelberg, New York, London, Paris, Tokyo, pp 51-66.
10. Dewald P (1972) The psychoanalytic process. A case illustration. Basic Books, New York.
11. Edelson, M. (1972). Language and dreams: The interpretation of dreams revisited. *The Psychoanalytic Study of the Child*, 27, 203-282.
12. Ferenczi S (1927 [1964]) Bausteine zur Psychoanalyse (Fundamentals of psychoanalysis), vol. 2, Praxis (Practice). Wien: Internationaler Psychoanalytischer Verlag [Huber].

13. Forrester J (1980) Language and the origins of psychoanalysis. Macmillan, London.
14. Freud S (1895d) Studies on Hysteria. Standard Edition 2.
15. Freud, S. (1900a). The interpretation of dreams. Standard Edition, 4-5.
16. Freud, S. (1926e). The question of lay analysis. Standard Edition 20: 183-250.
17. Frommer J, Rennie DL (Eds) (2001) Qualitative psychotherapy research. Methods and methodology Lengerich: Pabst.
18. Kächele H (1981) Zur Bedeutung der Krankengeschichte in der klinisch-psychoanalytischen Forschung (On the relevance of case history in clinical psychoanalytic research). Jahrbuch der Psychoanalyse 12: 118-177.
19. Kächele H (1992) Narration and observation in psychotherapy research. Reporting on a 20 year long journey from qualitative case reports to quantitative studies on the psychoanalytic process. Psychotherapy Research 2: 1-15.
20. Kächele H, Schachter J, Thomä H (Eds) (2009) From psychoanalytic narrative to empirical single case research. Implications for psychoanalytic practice. New York: Routledge.
21. Kächele H, Thomä H, Ruberg W, Grünzig H-J (1988) Audio-recordings of the psychoanalytic dialogue: scientific, clinical and ethical problems. In: Dahl H, Kächele H, Thomä H (Eds) Psychoanalytic process research strategies. Berlin Heidelberg New York Tokyo: Springer, pp 179-194.
22. Klein M (1961) Narrative of a child analysis. London: Hogarth.
23. Kohut, H. (1979). The two analyses of Mr. Z. International Journal of Psychoanalysis, 60, 3-27.
24. Levy R, Ablon J, Thomä H, Kächele H, Ackerman J, Erhardt I & Seybert C (2012). A specimen session of psychoanalytic therapy under the lens of the Psychotherapy Process Q-set. In R. Levy, S. Ablon, & H. Kächele (Eds.), Psychodynamic Psychotherapy Research. New York: Humana Press, pp. 509-528.
25. Luborsky L, Spence DP (1971) Quantitative research on psychoanalytic therapy. In: Bergin AE, Garfield SL (Eds) Handbook of psychotherapy and behavior change. 1st ed. Wiley & Sons, New York, pp 408-438
26. Luyten P, Blatt SJ, Corveleyn J (2006) Minding the gap between positivism and hermeneutics in psychoanalytic research. Journal of the American Psychoanalytic Association 54: 571-610.
27. Mayman, M. (1973). Reflections on psychoanalytic research. In M. Mayman (Ed.), Psychoanalytic research. Three approaches to the experimental study of subliminal processes. New York: International

University Press.

28. Meehl, P. E. (1973). Some methodological reflections of the difficulties of psychoanalytic research. In H. Mayman (Ed.), *Psychoanalytic research. Three approaches to the experimental study of subliminal processes* (pp. 104-117). New York: International University Press.
29. Menninger, K. A., & Holzman, P. S. (1958). *Theory of Psychoanalytic Technique*. New York: Basic Books.
30. Mergenthaler E, Kächele H (1988) The Ulm Textbank management system: A tool for psychotherapy research. In: Dahl H, Kächele H, Thomä H (eds) *Psychoanalytic process research strategies*. Berlin Heidelberg New York London Paris Tokyo: Springer, pp 195-212.
31. Michels R (2000) The case history. With commentaries by S. Pulver, S. B. Bernstein, P. Rubovits-Seitz, I. Szecsödy, D. Tuckett, A. Wilson. *Journal of the American Psychoanalytic Association* 48: 355-375.
32. Propp WJ (1928) *Morfologia delle fiabe*. Torino: Einandi.
33. Rapaport, D. (1960). *The Structure of Psychoanalytic Theory. A Systematizing Attempt* (Vol. Psychological issues). New York: International University Press.
34. Solms, M. (1995). New findings on the neurological organization of dreaming: Implications for psychoanalysis. *Psychoanalytic Quarterly*, 64, 43-67.
35. Solms, M. (1997). *The neuropsychology of dreams: A clinico-anatomical study*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.
36. Spence DP (1982) *Narrative truth and historical truth: Meaning and interpretation in psychoanalysis*. New York: Norton.
37. Stuhr U (2004) *Klinische Fallstudien (Clinical case studies)*. In: Hau S, Leuzinger-Bohleber M (Eds) *Psychoanalytische Therapie. Eine Stellungnahme für die wissenschaftliche Öffentlichkeit und für den Wissenschaftlichen Beirat Psychotherapie*. *Forum der Psychoanalyse* 20: 63-66.
38. Wallerstein RS, Sampson H (1971) Issues in research in the psychoanalytic process. *International Journal of Psychoanalysis* 52: 11-50.
39. Thomä H (1961) *Anorexia nervosa. Geschichte, Klinik und Theorie der Pubertätsmagersucht*. Huber/Klett, Bern/Stuttgart; English (1967) *Anorexia nervosa*. New Haven: Yale University Press.
40. Thomä H & Kächele H (1992) *Psychoanalytic practice, Vol. 1 Principles*. Springer Verlag, Berlin Heidelberg New York; paperback. Aronson, New York, 1994.
41. Winnicott DW (1972) Fragment of an analysis. In: Giovaccini PL (Ed) *Tactics and techniques in psychoanalytic therapy*. London: Hogarth Press, pp 455-693.